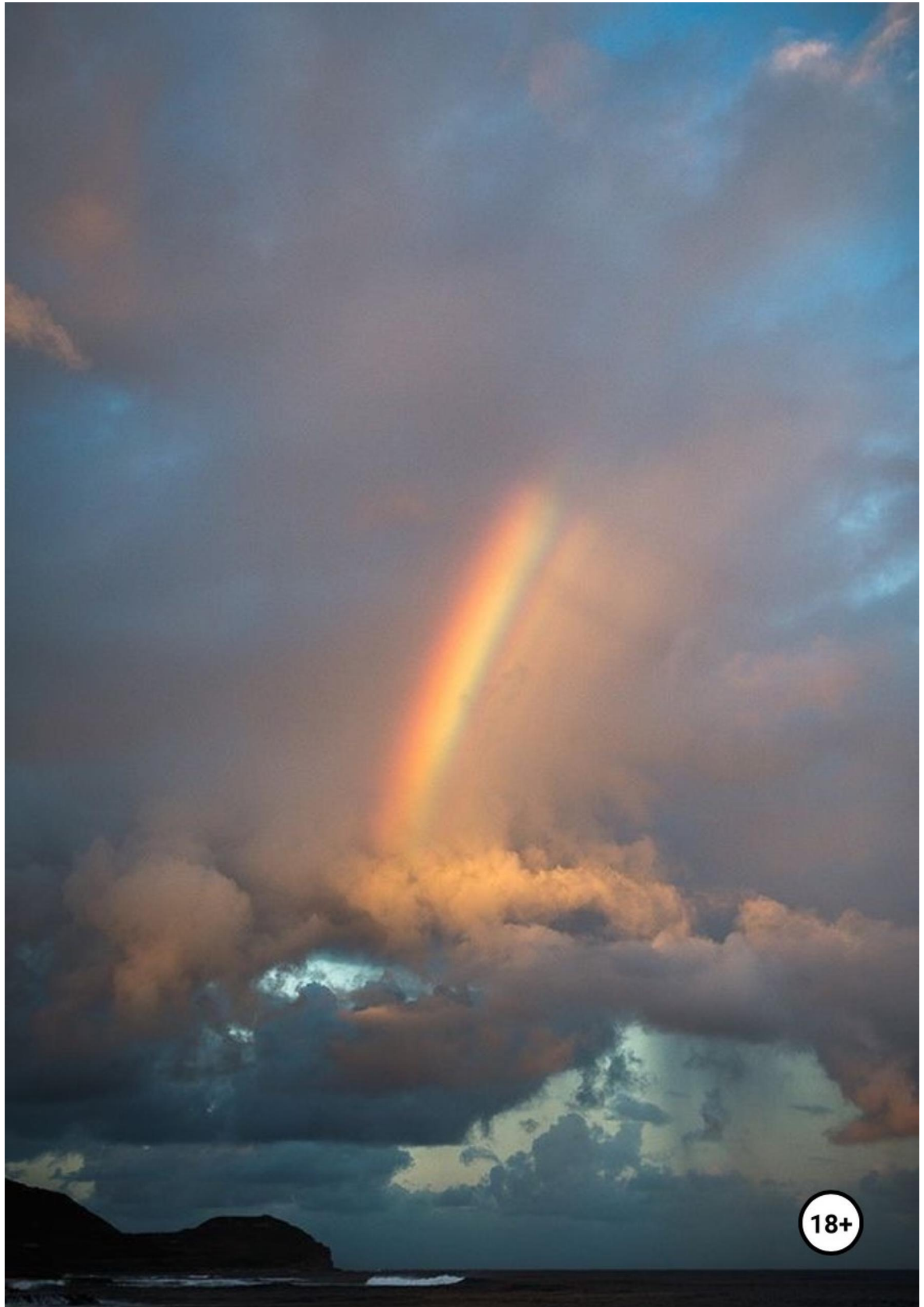

Анастасия Кряжева

Соль

«Автор»

2026

Кряжева А.

Соль / А. Кряжева — «Автор», 2026

Я хочу рассказать Вам одну историю. Историю о том, как я стал человеком.

© Кряжева А., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Кряжева

Соль

Глава 1

9 июля 1986 года

Все это произошло вопреки, навзничь, зазря. И день особо ничем не отличался от других, и погода стояла теплая. Другими словами, вопреки привычным ожиданиям, привычным для таких новостей, где гонца на плаху, дождь стеной не стоял и более того, младенцы не рвались с материнских рук прямоком с обрыва. Да что уж скрывать, раз уж мы все здесь с вами свои, а мы же свои? Нет, постойте, ответьте, это важно. Мы с вами свои или же мы сами себе свои? Я сейчас не об интимных предпочтениях толкую, скорее наоборот, духовная составляющая здесь стоит острее, вопрос стоит, а ответа нет.

Так, о чем это я, дорогой мой человек, а сколько вы стоите? Берете по часам, дням, летам? Больше равно дешевле? Корпоративные скидки? Нет, нет, не обижайтесь прошу, сам не знаю, что несу. Хотя зачем я снова вру? Все я знаю, несу свою ношу тяжелую, никому кроме меня ненужную, такую холодную, жестокую, но нежели одинокую, скорее обоюдную.

И снова от сути отошел. Но отошел ли от дел? Не могу, руку на сердце, честно ответить. Хотя, если есть библия, то и рука найдется. А под каждое ли кольцо, или тот парень с сигаретой вбитой, обойдется?

Господи, прости мою душу грешную, может ли так сказать атеист или агностик? Здесь, конечно, вопрос образования, поставить «и» или «или». Грехи смыть или омыть? Да куда меня все несет. Да знаю я куда. К дому родному, где руки не библию ищут, а плоти моей требуют, да не во грехе, а под кольцами, да не заперты, а ключ на столе пылится. Да только дома этого нет и никогда не было.

Ничто так не отрезвляет, как четкое осознание отсутствия бесконечности. Все закончится. Даже то, что сейчас кажется вечным, этому тоже придет конец. И горе закончится и радость уйдет, они несомненно вернутся, они рука об руку, друг за другом следом. В том и суть, чтобы в момент темного отчаяния не свернуть, у тебя есть путь, так иди. С высоко поднятой головой, пускай сейчас только тьма и бушует океан так страшно, что хочется кричать «Мама, забери, спаси меня!». Но стоит приглядеться и ты увидишь первые ослепляющие лучи нового дня, новой радости и нового смысла. Ничто не вечно, и в этом вся соль этого бесконечного океана.

И снова я к тебе возвращаюсь. Только вот ты не ждешь совсем меня как будто. Слышишь? Это сердце мое бьется. Видишь? Это все что от меня осталось.

Знаешь, не думал, что встречу тебя снова. Я думал тебя уже нет. Нет, но если посмотреть, то и правда нет.

Послушай, ты все еще можешь смеяться задорно, сквозь слезы или до слез? Как в детстве, за большим столом, ты заварила чай, халат этот твой с птицами, рукава большие большие, что скроют меня от всех невзгод этого мира. Подожди, а разница какая в этих слезах, никогда не пытался понять. Нет, стихи больше не пишу, но иногда вспоминаю.

Сколько волка не корми, лучше и вовсе не кормить. Однажды оступившийся полетит с обрыва головой вниз или корнями своими крепко накрепко сожмешь, спасешь. Но спасешь ли? Стоит ли спасать оступившегося единожды? А того, кто оступился не раз? Спасение ли это, если человек уже перестал дышать от корней твоих. Спасение ли это, если тебя никто об этом не просил? Или же это невозможность разомкнуть руки, когда уже нет сил держать.

И это правда был обычный день, ничего не предвещало, ни сводка новостей, ни прогноз погоды, даже мама шапку не заставила одеть. А помнишь, как раньше, тебе руки родные шапку к ушам прижимают, в макушку целуют уста, что сказки на ночь совсем недавно читали, и ты в припрыжку, с рюкзаком наперевес, по подъезду, солнце ослепляет сквозь пыльные окна, аромат свежесваренного кофе на одном этаже, проскочил. Запах ярко-оранжевой глазуни на втором этаже, проскочил. Благоухание сладких духов соседки со второго этажа едва уловил. Старенькая соседская такса все за хозяином, прихрамывая, семенит. Шапку долой, в рюкзак с головой, и воздух такой обжигающий, зима на дворе, и двор такой до боли с годами родной. И это дерево, это большое, раскидистое дерево, таким казалось в детстве большим, казалось занимает пол неба. Теперь это дерево так одиноко стоит посреди кучи машин, и только корни все отчаянно хватаются за бордюры, под колеса пробиваются, за твои уже сорок пятого размера ботинки цепляются. И хочется им сказать, отпусти, мне здесь больше не место, мне пора уходить.

Когда ее не стало, я не знал поначалу как мне жить, я вообще не был уверен, что смогу снова жить. Но вот я здесь. Все так же слепит солнце. Только вот шапку к ушам уже никто не прижмет. Мама, скажи мне, сколько я сделал из того, сколько бы сделать я смог?